

И (Англ.)
Б 51

Перевод с английского
ВИКТОРА ФЕДОТОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле 1958 года в Смоленске, где собрались для творческого разговора молодые поэтические силы Российской Федерации, нас с Ярославом Смеляковым привлекло одно интересное явление. В числе произведений, обсуждавшихся в руководимом нами семинаре, были представлены переводы из Роберта Бернса, выполненные никому тогда не известным Виктором Федотовым из далекого в традиционном представлении Архангельска. Некоторая необычность этого явления для привыкшего к иному сочетанию слуха привлекла еще и тем, что и в самом переводчике, и в его переводах чувствовалась искренняя влюбленность в поэзию вообще и в поэзию Роберта Бернса в частности. Зная Бернса по прежним переводам, можно было без труда уловить, что переводом переводчиком верно схвачены и в лучших переводах с большой бережностью переданы черты неповторимого своеобразия этого народного поэта: его песенный лад, бьющее через край жизнелюбие, изысканность чувств, лукавая игра ума, душевная открытость людям.

Познакомившись с поэзией «шотландского Шекспира» в бытность свою студентом института иностранных языков, В. Федотов продолжал с

Роберт Бернс. Песни и
стихи. —
М.: Изд-во Советский
Россия, 1963

увлечением работать над переводами из Бернса, несмотря на наличие в этой области переводов такого блестящего мастера, как С. Маршак. И это на первый взгляд несколько противоречивое явление можно понять: проникновенные строки поэта-пахаря, восхищавшие Маркса и Белинского, Гете и Тургенева, Байрона и Шевченко, сегодня, как и сто лет назад, рождают да и будут рождать желание перенести через языковой барьер творения шотландского гения в их целостном, изначальноном виде.

Вскоре после смоленского семинара в Архангельском книжном издательстве вышла книжка переводов В. Федотова из Бернса, принятая читателями и одобрительно встреченная критикой. И сегодня я рад представить читателю новый сборник его поэтических переводов.

Оговоримся сразу: здесь не идет речь о «перепевах», о каком-то соперничестве с маститым переводчиком. В тех редких случаях, где В. Федотов берется за уже известные вещи, это, на мой взгляд, вполне оправданно, как например в случае с широко известным стихотворением «Дерево свободы», где переводчиком восстановлено предпоследнее восьмистишие, растаявшее в последнем из существующих переводов:

Нам тех деревьев бы достать,

Чтоб мир настал кругом, брат,

Чтоб меч на плуг перековать,

Чтоб войн умолкнул гром, брат;

Чтоб каждый с каждым — как с родным,

Чтоб вместе за дела, брат,

Чтоб стаал мы в правах равны,
Чтоб жизнь была светла, брат.

А ведь в этом, необычайно политически остроумно стихотворении, именно в этой строфе заключена мысль, выражающая один из главных итогов всего стихотворения: только поистине свободное общество может обеспечить на земле прочный мир без войн, необходимый для счастья каждого.

Не думаю, что переводчик поступает неверно, представив немногие свои варианты уже переведенных стихотворений, предлагая читателю свой собственный взгляд на Бернса, свое ощущение его поэтики.

Книга переводов В. Федотова расширяет наше представление о Шотландии и ее гениальном певце, восполняет круг бернсовских тем. Так, Бернс, страстный человеколюб, мечтавший отереть все слезы со всех людских глаз, не мог не быть активным противником войн. Между тем эта сторона его творчества оставалась недостаточно раскрытой. В данном сборнике дан целый ряд произведений поэта на эту тему. Но же можно сказать и о ряде стихотворений поэта с так называемым вольным содержанием, которые, несмотря на злобные нападки ханжеской великосветской морали и поэты, являлись в этой связи неприятности с цензурой, были отнюдь не чужды поэту. Когда составитель одного сборника отклонил стихотворение «Золотая Анна» из-за «вольного характера героини», Бернс усилил его еще одним восьмистишием, где предельно откровенно выразил свое отношение к официальной морали.

Поэт народа, Бернс черпал свое вдохновение в народном творчестве и писал для народа, поднимаясь голосу сердца, а не догмам известной своей чопорностью традиционной английской морали. Не удивительно поэтому, что не только содержание, но и форма его стихов была по-настоящему народной. Об этом говорил еще Байрон, отмечавший, что будь Бернс не крестьянином, а аристократом, его творчество отличалось бы «большой полировкой — меньшей силой, стихов могло быть столько же, но не было бы бессмертия».

Таким и хотел представить читателю Бернса переводчик. Насколько это ему удалось, пусть читатель судит сам.

Сергей Васильев

ПЕСНИ

